

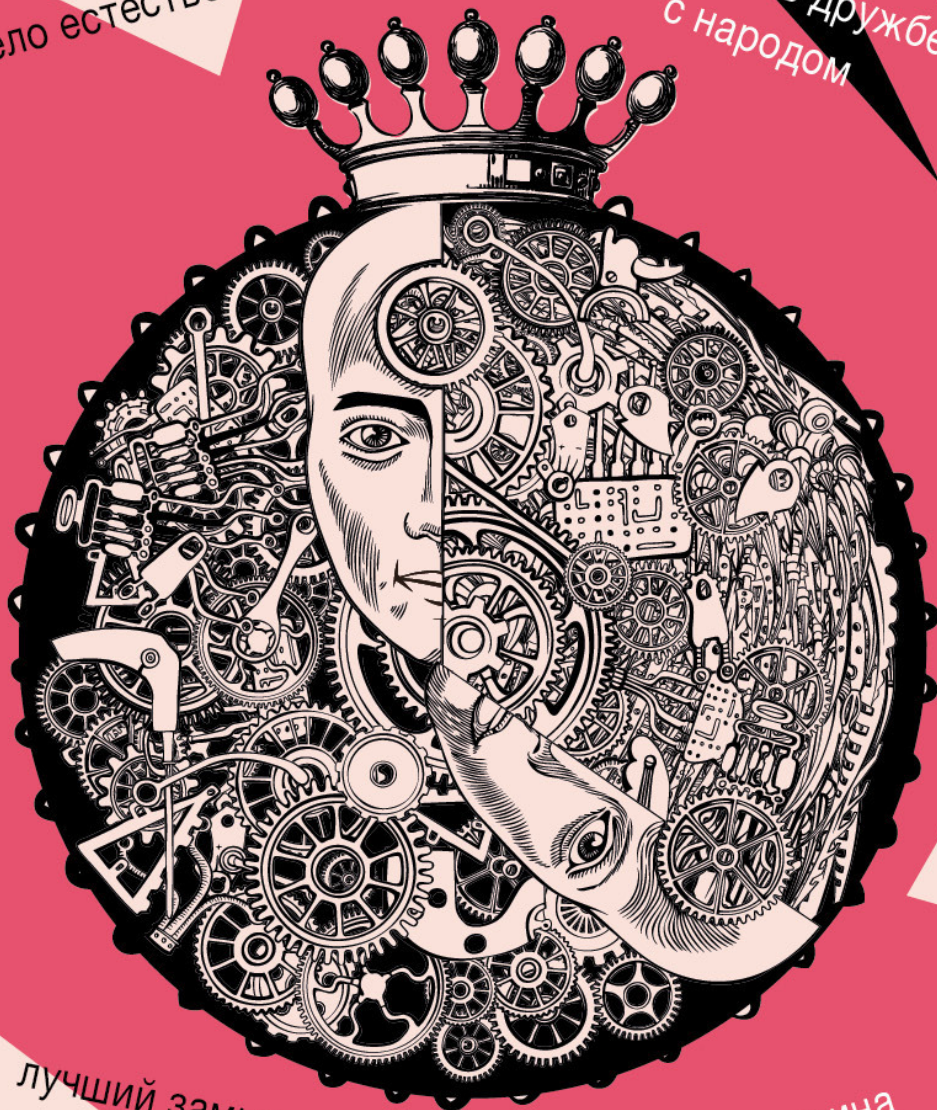
НИККОЛО

МАКИАВЕЛЛИ

время государя
с комментариями и объяснениями

страсть к завоеваниям —
дело естественное и обычное

государю надлежит
быть в дружбе
с народом

лучший замысел —
тот, который
скрыт от неприятеля

дисциплина
на войне важнее
стремительности

Философия на пальцах

Никколо Макиавелли

**Время государя: с
комментариями и объяснениями**

«АСТ»

до 1527 г.

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)

Макиавелли Н.

Время государя: с комментариями и объяснениями /
Н. Макиавелли — «АСТ», до 1527 г. — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-108040-2

Никколо Макиавелли часть своей жизни посвятил государственной службе. Его опыт и наблюдения за методами управления политиков стали основой трактата «Государь», известного сегодня во всем мире. Макиавелли в нем выступил сторонником сильной власти, ради укрепления которой допускал и коварство, и предательство, и насилие. Конечно, подобное вызвало противоречивые мнения, а Католическая церковь внесла его труд в списки запрещенных книг. И тем не менее идеи этого историка и философа о методах управления, о способах получения власти, о том, какими качествами должен обладать правитель и от чего зависит успех проводимых им реформ, нашли свое применение в области политики и актуальны по сей день. В книгу вошло также произведение «О военном искусстве», в котором автор, не будучи военным и приобретя свои знания в теории, высказал настолько глубокие идеи, что они охватили самые разные стороны человеческой жизни. Работы Макиавелли столь афористичны, что давно разошлись на цитаты, которые мы часто произносим, даже не догадываясь, кто их автор. Тексты настоящего издания снабжены подробными комментариями и разъяснениями.

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-17-108040-2

© Макиавелли Н., до 1527 г.

© АСТ, до 1527 г.

Содержание

Две жизни Макиавелли	7
Государь	11
Глава I	13
Глава II	14
Глава III	15
Глава IV	21
Глава V	23
Глава VI	24
Глава VII	28
Глава VIII	33
Глава IX	36
Глава X	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Никколо Макиавелли
Время государя. С
комментариями и объяснениями

© Э. Вашкевич, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2018

© Г. Муравьева, перевод с итальянского, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Две жизни Макиавелли

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 года в деревне Сан-Кашано, рядом с Флоренцией – городом и государством, которому посвятил всю свою жизнь. Его рождение пришлось на удивительную эпоху, эпоху глобальных перемен в мире, когда на смену феодализму, уже почти ставшему прошлым, спешил новый социальный строй, предлагавший образование и обогащение вне зависимости от происхождения. Правители с почтением прислушивались к мрачным откровениям фанатика Савонаролы и в то же время покровительствовали наукам и искусствам. Все смешалось, и разобраться в этом смешении было весьма непросто. Эта эпоха требовала новых людей: образованных, открытых новым идеям, с острым умом и проницательным взглядом. Именно таким и был Никколо Макиавелли: политиком и историком, философом и теоретиком политики, военным деятелем и писателем, поэтом и дипломатом.

Его происхождение соответствовало требованиям времени: с одной стороны семья Макиавелли относилась к пополам – так называли торговцев и ремесленников в городах Северной и Центральной Италии в XII–XV веках (отец Никколо был практикующим юристом), но с другой – Макиавелли были нобилиями, то есть аристократами-феодалами.

Говорят, Гай Юлий Цезарь сказал, что лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме, но при этом сам в провинции оставаться не пожелал. Сегодня мы можем наблюдать ту же тенденцию: тот, кто мог бы стать первым в провинции, стремится к удобствам и перспективам, предлагаемым столицами. И это вовсе не тенденция современности. Уже во времена Макиавелли нобили жаждали стать пополами, сменить свою аристократическую феодальную власть на жизнь больших городов с их возможностями и перспективами. У юного Никколо было все, о чем многие только мечтали: голубой дворянский крест с пополанской красной линией. Это позволило ему получить прекрасное образование в стиле раннебуржуазной культуры Возрождения.

Заметим, что сам Макиавелли считал свою семью бедной. Уже будучи зрелым мужем и автором известных книг, он написал: «Я родился бедным и скорее мог познать жизнь, полную лишений, чем развлечений». При этом его семья жила в трехэтажном каменном доме, у отца был вполне приличный доход, и он даже мог позволить себе такое дорогое хобби как личная библиотека. Правда, эта библиотека в основном состояла из книг юридических, связанных с профессией, а остальные приходилось брать на время (подобно тому, как сейчас мы пользуемся услугами библиотек) – уж очень дороги были книги, а доход юриста был все же весьма и весьма далек от доходов первых фамилий Флоренции. Подобное обстоятельство делало вполне правомерным замечание Макиавелли о бедности своей семьи. Семья Макиавелли не была нищей, но не была и богатой – сейчас такие семьи принято называть средним классом, и именно из них чаще всего выходят выдающиеся личности. Что и произошло в данном случае.

Образование Никколо Макиавелли не было полностью домашним, хотя он постоянно читал книги, приносимые отцом, – в основном это были античные авторы, что формировало свободное, незашоренное мышление мальчика. В возрасте семи лет его отдали в школу для обучения грамматике, а через год – в городскую школу, где изучали латинских классиков. В городской школе Никколо провел три года, а затем к чтению была добавлена математика, а еще через год – латинская стилистика.

А вот в университете Макиавелли не учился – в те времена подобное образование стоило очень дорого и было доступно лишь немногим. Представители же среднего класса, как Никколо Макиавелли, могли только мечтать об университетской скамье. Однако многие исследователи считают, что отсутствие университетского образования в данном случае является плюсом, а не минусом. Дело в том, что в конце XV столетия университетская наука представляла собой формалистическую схоластику, то есть была основана на отвлеченных рассуждениях,

не подтверждаемых опытом. Знания такого рода мало применимы на практике, так как полностью оторваны от реальной жизни. Современные историки и исследователи утверждают, что в результате того, что обучение в университете было для Макиавелли невозможным, у него выработался самобытный и оригинальный стиль мышления, а впоследствии и литературный, не ограниченный никакими привнесенными извне отвлеченными идеями, но – сугубо практический и практичный. Необходимо заметить, что ряд исследователей убеждены, что никакая университетская схоластика тех времен не смогла бы негативно повлиять на систему мышления и мировоззрения Никколо Макиавелли – постоянное чтение и изучение античных классиков успешно препятствовало такому влиянию.

Образование, полученное Макиавелли, дополнялось любовью к музыке, а такое увлечение не только украшает жизнь, но и стимулирует творческую деятельность. Кроме того, он с самого детства читал различных латинских авторов, от Тацита до Вергилия. Не зная греческого языка, Макиавелли тем не менее изучал греческих философов в переводах и неплохо знал Геродота, Плутарха, Аристотеля, Фукидида и других. Его интересовали Данте и Петрарка, он изучал творчество первых итальянских поэтов, сравнивая их описания с тем, что видел ежедневно.

Именно такое сравнение и привело Макиавелли к идее, что человеческая натура является в сущности неизменной и человек все такой же, как был во времена пещер и мамонтов, изменяются лишь внешние характеристики. Как говорил известный герой Михаила Булгакова, «... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Идеи такого рода закономерным образом приводят к мысли использовать мудрость античных авторов не просто как исторические факты и примеры, но как вполне современный жизненный опыт – естественно, с поправкой на изменяющиеся внешние обстоятельства. Не удивительно, что именно Никколо Макиавелли написал трактат «Государь» – практическое, а не теоретическое руководство по управлению государством. Именно Никколо Макиавелли, не будучи военным, написал трактат «Военное искусство» – практическое руководство по ведению военных действий. И поэтому «История Флоренции» Никколо Макиавелли является срезом жизни современной ему Италии в той же степени, в какой его собственная жизнь и жизнь его семьи является срезом процессов, происходивших в обществе XV столетия.

Творческий размах Макиавелли некоторые исследователи и ученые сравнивают с Леонардо да Винчи и Микеланджело. Такое сравнение вполне правомерно, ведь Макиавелли не только обладал живым и образным литературным языком и глубиной мышления настоящего философа, но в своих произведениях непременно основывался на опыте (заметим, что это было неременное требование Леонардо да Винчи к любому творцу, от художника до ученого).

Молодой Макиавелли зарекомендовал себя как человек образованный, да еще и неплохо ориентирующийся в юриспруденции, – считается, что юридическое образование Никколо получил от отца, но возможно, это было и самообразование с помощью отцовской библиотеки и эпизодических наставлений отца. Такой человек был необходим Флоренции, и в возрасте двадцати девяти лет Никколо Макиавелли стал секретарем Второй канцелярии – весьма ответственной должностью политического и дипломатического характера.

В те времена взрослые рано – жизнь была в достаточной степени жестока, и с раннего возраста приобретался суровый жизненный опыт. И Никколо Макиавелли с раннего детства познакомился не только с теорией политики, но и с ее практикой. Так, в девятилетнем возрасте из окна Палаццо Веккьо он наблюдал за казнью заговорщиков Пацци, которых повесили по приказу Медичи. В двадцать три года Макиавелли видел изгнание некогда всемогущих Медичи из Флоренции, а в двадцать девять лет – казнь Савонаролы, который, казалось, надежно владел людскими умами и даже душами. Несколько раз Флорентийская республика была на краю гибели – и наблюдение за этим процессом воспитывало Макиавелли-политика,

Макиавелли-дипломата, который своей главной целью поставил сохранение и укрепление Флоренции.

Четырнадцать лет Макиавелли успешно работал на своем посту. При этом его неизменно переизбирали на должность даже при смене правительства республики. Медичи сменил Савонарола, на смену фанатику-монаху вновь пришли Медичи, а Макиавелли продолжал свою работу. Тысячи дипломатических писем, донесений, распоряжений и приказов, проектов государственных законов и других документов не просто прошли через руки Макиавелли, но были составлены им. На его счету тринадцать дипломатических поездок (в том числе и военно-дипломатических), выполнение крайне сложных поручений у итальянских правителей и в республиках, у Папы, императора Священной Римской империи и даже у французского короля.

Небольшой статистический факт: только служебных писем, написанных лично Никколо Макиавелли, во Флорентийском государственном архиве имеется более четырех тысяч! А ведь у него не было ни компьютера, ни другой техники, которая могла бы облегчить труд. Каждое письмо было не только составлено, но и написано Макиавелли собственноручно. А ведь он писал не только письма. Титанический труд!

При этом современники отзываются о Макиавелли как о человеке с характером живым и общительным. Его считали душой вечеринок, он обладал отличным чувством юмора – в этом можно убедиться, ознакомившись с его художественными произведениями. Макиавелли тщательно следил за своим внешним видом, хорошо одевался и не экономил на этом, хотя его уровень дохода был весьма средним. Но если речь шла о представлении республики перед иностранцами, то Макиавелли был готов отдать последнее, лишь бы выглядеть как можно более импозантно, – он считал, что в этом случае является лицом своего государства.

Кстати сказать, подобный принцип был использован во время Ялтинской конференции союзных держав в феврале 1945 года, когда советская сторона устраивала прием для союзников, – специально для этого банкета был приглашен шеф-повар, обучавшийся еще при императорском дворе, было составлено уникальное меню. Впоследствии это получило название «кулинарная акция», и вполне оправданно – роскошная серия банкетов, которые давала советская сторона, демонстрировала Англии и США, что Советский Союз полон сил и имеет в своем распоряжении нетронутые ресурсы, что СССР вовсе не так истощен войной, как хотелось бы союзникам, и не будет легкой добычей после победы над Германией. И успех переговоров в Ялте частично был обеспечен и роскошью банкетных столов – вполне в стиле и духе Никколо Макиавелли!

Макиавелли был женат – он вступил в брак в возрасте тридцати трех лет (как считается, возраст Христа является возрастом глобальных изменений для любого человека, и Макиавелли еще раз подтвердил это мнение), а через год уже смог взять на руки своего первого ребенка. Он постоянно беспокоился о семье, старался обеспечить материальный достаток, при выполнении дипломатических миссий стремился домой, но в то же время никогда не оказывал предпочтения семейным делам перед политическими и дипломатическими. Все же Макиавелли всю свою жизнь посвятил Флорентийской республике, и семья нередко должна была уступать его Флоренции.

Формально у Макиавелли было две жизни. В первой из них он занимался государственными делами на практике, был дипломатом и политиком. Но бессмертие ему принесла вторая жизнь, когда он попал в опалу, был обвинен в заговоре и даже арестован. Арест закончился освобождением – на папский престол был избран Джованни Медичи, который стал Папой Львом X, и в связи с этим объявили амнистию. Макиавелли был освобожден, но о возвращении к активной политической и государственной деятельности речи не было. Макиавелли направился в свое поместье около Флоренции.

Пасторальные пейзажи Италии прекрасны и способны обрадовать любого художника, но Никколо Макиавелли был государственным деятелем, известным политиком – и вдруг ока-

зался не у дел. А ведь он был знатоком своего дела, при этом позволял себе не только робкую критику вышестоящих, но делал это открыто и с изысканным умением того, кто действительно знает лучше и чувствует себя вправе поучать других, пусть даже и обладателей более высоких должностей или недосыгаемости происхождения. Для него пейзажи, дивно украшенные облачно-овечьими стадами, представляли собой духовную гибель, причем в таких страшных муках, которые не снились даже в «Аду» Данте Алигьери.

Но Никколо Макиавелли был не просто политиком и дипломатом, он в первую очередь был мыслителем и писателем, так что не удивительно, что он с сугубо практической деятельности переключился на теоретическую. Макиавелли собрал все свои знания, весь свой богатый политический и дипломатический опыт, все накопленное им за четырнадцать лет практической деятельности, а также все, что прочел у древних философов и современных ему мыслителей, и начал писать. Так родились бессмертные произведения, которые до сих пор представляют интерес для людей различных профессий и рода деятельности, начиная от историков и заканчивая бизнесменами и политиками. Тесно сплетая в единое целое теорию и практику, Макиавелли создал своего «Государя», «Рассуждения», «О военном искусстве» и «Историю Флоренции».

Макиавелли так определил цель своих литературных работ: «...я выскажу смело и открыто все то, что я знаю о новых и древних временах, чтобы души молодых людей, которые прочтут написанное мной, отвернулись бы от первых и научились подражать последним... Ведь долг каждого честного человека – учить других тому доброму, которое из-за тяжелых времен и коварства судьбы ему не удалось осуществить в жизни, с надежной на то, что они будут более способными в этом». Да, Никколо Макиавелли в какой-то степени был идеалистом, он идеализировал древние времена, считая их более чистыми по сравнению со своей современностью, и жаждал приобщить других к таким высоким идеалам. Пусть он ошибался в своей идеализации, но идеалы действительно были высоки!

Макиавелли было пятьдесят восемь лет, когда он попытался вернуться к государственной деятельности: он предложил свою кандидатуру на пост канцлера республики. Однако его признали неподходящим для данной должности, мотивируя отказ тем, что его жизнь не соответствовала обычаям и религии. Одной из причин отказа было то, что он якобы «ел скромное в день святой пятницы», а один из отцов города заявил, что Макиавелли посещает не только трактиры, но – о ужас! – библиотеки, где читает «старые книжонки». В результате Большой Совет республики провозгласил: «Долой философов! Долой ученых!» – и Макиавелли получил категорический отказ.

Вскоре после этой травли Никколо Макиавелли умер – 21 июня 1527 года. Его похоронили в церкви Санта-Кроче. Сегодня это флорентийский пантеон, где нашел последний приют не только Макиавелли, но и Микеланджело, Галилей и другие великие творцы Италии.

Эльвира Вашкевич

Государь

Читать трактат Макиавелли «Государь» любопытно будет не только тем, кто интересуется политикой и социологией, но прежде всего историей. Макиавелли проделал весьма солидную работу: под каждое свое теоретическое положение он подводит изысканный фундамент примеров, начиная от седой древности и заканчивая временем, в котором он жил. Поэтому трактат «Государь» можно смело рассматривать как исторический труд, занимательный для тех, кто интересуется историей человеческой цивилизации.

При этом следует заметить, что Макиавелли склонен к небольшой подтасовке исторических реалий. С истинно итальянской непринужденностью он весьма вольно обращается с фактами, в некоторых случаях даже меняя местами причину и следствие. Характерно, что выводы, которые он делает, опираясь на подобного типа факты, тем не менее совершенно легитимны и верны. Макиавелли ведет себя подобно многим исследователям, имеющим теорию, которую необходимо подтвердить экспериментальными данными. Однако по какой-то причине данные эксперимента либо не соответствуют теории, либо эксперимент просто невозможен (к примеру, из-за отсутствия соответствующих технологий). Но теоретик, абсолютно уверенный в своей правоте, в таком случае может и несколько лукавить, komponуя и представляя факты практики таким образом, чтобы они полностью подтверждали имеющуюся теорию. Примеров подобного множество, и Макиавелли тут совсем не одинок. При этом он выгодно отличается от других теоретиков, играющих фактическим материалом: его построения базируются не просто на уверенности исследователя, но столетия «исторического эксперимента», прошедшие со времени написания трактата, доказали правоту его выводов вне зависимости от зыбкости исходных посылок.

Фридрих II, король Пруссии, прозванный Великим, работая над своим трактатом «Анти-макиавелли», советовал предавать вечному забвению имена властителей, известных своими пороками и удерживающих за счет этого власть. Однако не зря ведь сказано, что тот, кто забывает свое прошлое, принужден пережить его вновь. А уж если говорить о пороках людей, облеченных государственной властью, то легко заметить, что они повторяются из века в век. И, имея перед собой временную шкалу, можно не только узнать прошлое, но и предугадать будущее. Фридрих называет науку государственного управления, «основанную на правосудии, остроумии и милосердии», истинной, однако как может быть истинным то, что противоречит историческим фактам и жизненным реалиям? И вряд ли действительно руководствоваться в политике утопией. Такой правитель рискует потерять не только собственную власть, но и государство как таковое – более предприимчивые соседи, не задумываясь, поглотят и территории, и ресурсы, а жителей этих территорий сделают рабами в угоду своим гражданам. История знает множество подобных примеров. Так что прежде чем отказываться от учения Макиавелли, необходимо полностью изменить человеческую мораль.

Заметим, что и сам Фридрих, отчаянно критикуя Макиавелли в молодости, будучи в те времена наследником престола, – став королем, благополучно применял на практике теории, изложенные в «Государе». Так, Фридрих расширял границы своего королевства правдами и неправдами, миром и оружием, нарушая имеющиеся соглашения и заключая новые, втайне от своих союзников. К примеру, в 1756 году Фридрих напал на Саксонию, которая была союзником Австрии, и в качестве обоснования подобного вероломства заявил, что это был «превентивный удар», что уже имеется русско-австрийская коалиция, которая собирается начать против Пруссии агрессивные действия. Такое обоснование впоследствии было не раз использовано в другие времена другими правителями. Тот же Гитлер, нападая на СССР, заявлял, что действует именно в рамках превентивного удара, и таким образом оправдывал нарушение пакта Молотова – Риббентропа.

Никколо Макиавелли – его светлости Лоренцо де Медичи¹

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого, или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрестанным изучением дел минувших. Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед Вами, однако же верю, что по своей снисходительности Вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести Вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если Вы соизволите внимательно прочитать и обдумать мой труд, Вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости того величия, которое сулит Вам судьба и Ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор Ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, Вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

¹ Лоренцо ди Пьеро де Медичи, прозванный Великолепным (1449–1492), – флорентийский государственный деятель, глава Флорентийской республики, меценат и поэт. Семья Медичи правила Флоренцией более 60 лет.

Глава I

Какие бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, – таково Неаполитанское королевство для короля Испании.

Франческо Сфорца (1401–1466) – первый герцог Миланский из династии Сфорца, основатель миланской ветви династии, командир военного отряда в итальянском городе-коммуне. Так как Франческо Сфорца был первым герцогом Милана из династии Сфорца, Макиавелли называет государство новым – для данного правителя. В то же время династические войны в Неаполитанском королевстве в XV столетии привели к ослаблению государства до такой степени, что это королевство стало сателлитом Испании, сохраняя свою независимость лишь формально. Начиная с 1503 года и до середины XVIII столетия королями Неаполя были представители династии испанских Габсбургов. Именно поэтому Макиавелли определяет Неаполитанское королевство как присоединенное к унаследованному государству в результате завоевания.

Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II

О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражений, нанесенных ему венецианцами в 1484 году и Папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре.

Герцог Феррарский – судя по указанным датам, Макиавелли имеет в виду сразу двух герцогов Феррары из рода д'Эсте: Эрколе I, правившего в 1471–1505 гг., и его сына Альфонсо I, правившего в 1505–1534 гг. Именно у Альфонсо был конфликт с Папой Юлием, в процессе которого герцог был отлучен от Церкви, а владения его Папа попытался реквизировать в пользу Церкви. Однако следует заметить, что удержать герцогство Альфонсу удалось исключительно благодаря военным союзам, сначала с Францией, а затем с Испанией и Францией. Именно удачный выбор союзников помог герцогу Феррарскому не только удержать само герцогство, но и вернуть города, уже отчужденные Римской церковью (Модену и Реджио). Так что данный пример нельзя считать абсолютно верным для такого тезиса. Хорошим примером является реставрация монархии в Англии в 1660 году после протектората Оливера Кромвеля. Стоило лишь умереть лорду-протектору, и протекторат был отменен, а главой государства стал Карл II Стюарт, сын казненного короля Карла I.

Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III

О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение, так что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть, прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Людовик XII, прозванный Отцом народа, – французский король из династии Валуа, правил с 1498-го по 1515 год. Наиболее значимыми событиями его правления были войны с Италией. Формально Людовик XII имел права на Миланское герцогство, так как был внуком Валентины Висконти, единственной дочери Джана Галеаццо Висконти, первого герцога Милана. Право на наследование Милана было одним из пунктов брачного контракта, заключенного между Валентиной Висконти и Людовиком Орлеанским, младшим братом французского короля Карла VI Безумного. В результате Людовик XII предъявил права на Милан и захватил его в сентябре 1499 года при поддержке местного населения, выражавшего недовольство правящим герцогом Лодовико Моро. Однако французы вели себя в Милане отнюдь не дружелюбно, пользуясь всеми правами захватчиков на отвоеванной территории, и миланцы активно поддержали герцога Лодовико при его возвращении через два месяца. Король Людовик был вынужден оставить город. Впоследствии Франция вернула себе Милан, но для второго захвата пришлось воспользоваться не помощью местного населения, которое уже не желало видеть французов в своем городе, а предательством наемников, которые выдали герцога Лодовико его врагам.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так, в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства, которые рассеяли и изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика – и у всякого на его месте, – чтобы упрочить завоевание верней, чем это сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокорства. Так, мы знаем, обстоит дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу.

Аналогичным образом поступил Адольф Гитлер, устраивая в 1942 году под Винницей комплекс вервольфа и переводя туда из прусского Растенбурга свою ставку и генеральный штаб. Однако военные действия складывались таким образом, что Гитлеру не удалось проверить данное положение об управлении государством: он посетил вервольф всего трижды, а последнее его пребывание закончилось в середине сентября 1943 года, так как уже в марте 1944 года все коммуникации ставки были уничтожены. Но кроме личного пребывания главы государства на завоеванных территориях во все времена широко практиковалось назначение заместителей: губернаторов, вице-губернаторов, гауляйтеров (в случае Гитлера) и так далее. Так, все колонии Великобритании управлялись губернаторами, назначавшимися королем и имевшими весьма широкие полномочия на территории колонии. Фактически губернаторы были заместителями короля и обеспечивали то самое «личное присутствие», о котором говорит Макиавелли.

Ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо вызывать к суду государя, что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным – бояться.

И если кто-нибудь из соседей замышлял нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей.

Следует заметить, что возможны два варианта колонизации территорий: в результате завоевания (как, к примеру, было с американским доминионом) и мирным путем. Примером мирной колонизации в XX в. является колонизация Советским Союзом Восточной Европы, которая произошла в результате освобождения Восточной Европы от немецко-фашистских захватчиков во время Второй мировой войны. При этом была сохранена государственность стран Восточной Европы, а их статус был статусом полноправных союзников, а не просто колонизированных территорий.

Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяет все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а также враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

Колонизация была крайне популярна во все времена, начиная от Древнего мира и заканчивая знаменитыми колониями Великобритании. Обратите внимание на площадь американского континента, где говорят на английском языке, добавьте к ней Австралию – и удивитесь: такие громадные территории ухитрилась колонизировать крошечная Англия, не слишком обремененная населением. И это еще не считая других колоний, где население сохранило свои обычаи и язык (к примеру, Индия).

Следует заметить, что в тех случаях, когда метрополия мала, а колония велика, в конце концов возникает ситуация, когда колония желает отделиться от метрополии либо мирно, либо в результате восстания. Примерами являются и война за независимость Америки, и восстание в Индии. Когда большая колония богатеет, она перестает видеть смысл в том, чтобы кормить маленькую, но очень жадную метрополию.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, – так некогда римлян в Грецию призвали этолйцы, да и во все другие страны их тоже призвали местные жители.

В 862 году, согласно «Повести временных лет», племенами ильменских словен, кривичей, мери и чуды были призваны варяги на княжение в Новгород – Рюрик с братьями Синеусом и Трувором. Именно это событие принято считать началом русской государственности. Так как Рюрик оказался сильным правителем, то к Новгородскому княжеству во времена княжения Рюрика примыкали более слабые соседи, либо как часть княжества, либо как союзники.

Порядок же вещей таков, что когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства примыкают к нему – обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, –

так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширялись и крепили, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев, унизили Македонское царство, изгнали оттуда Антиоха. Но, невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции.

Антиох III, прозванный Великим (241–187 до н. э.), стал царем в восемнадцатилетнем возрасте, был одним из правителей государства Селевкидов (монархия, образовавшаяся после распада империи Александра Македонского), потерпел поражение от Рима в войне за влияние в Восточном Средиземноморье.

Филипп V Македонский, царь Македонии, воевал на стороне римлян против Антиоха III. Талантливый военачальник и опытный дипломат. Несмотря на свой опыт и таланты, потерпел поражение, в результате чего был вынужден заключить с Римом сначала мир, а затем и союз, потеряв при этом владения в Греции, Кarii и другие, а также сдав македонский флот.

Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции – чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, – они считали благодетельными лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике – он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, – и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Речь вновь идет о Людовике XII – Макиавелли считает его пример весьма показательным. Король Карл – это Карл VIII, прозванный Любезным, из династии Валуа. Карл в 1494 году захватил Неаполитанское королевство, при этом его армия встречалась местными жителями с восторгом – они считали Карла избавителем от несправедливых и жестоких правителей. Карл короновался в Неаполе, но пока он праздновал победу, составила коалиция против Франции, и в результате французской армии пришлось убраться восвояси в 1495 году. Владычество Франции в Неаполе продолжалось менее года.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы не выбирая.

Следует заметить, что в случае с Карлом VIII венецианцы выступили против Франции в союзе с антифранцузской коалицией, но впоследствии желание расширить свои владения подвигло их на новый союз – уже с французским королем.

И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покори-лась, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бентиво-льи, графиня Форли, властители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, Лукка, Пиза, Сиена – все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали две трети Италии.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочис-ленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог Папе Александру захватить Романью.

Папа Александр – Александр VI, урожденный Родриго Борджиа (Борджа), второй Папа Римский из рода Борджиа. Он не только пожелал объединить папские области, но и осуществил это, создав централизованное государство и устранив от управления папскими городами феодальные роды, которые де-факто владели этими территориями, отказываясь подчиняться папской юрисдикции.

Он не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, рав-ного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы вновь овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела. Если раздел Ломбардии с венецианцами еще можно оправдать тем, что он позволил королю утвердиться в Италии, то этот второй раздел достоин лишь осуждения, ибо не может быть оправдан победной необходимостью.

Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государя внутри Италии, призвал в нее чужеземца, равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний.

Эти пять ошибок могли оказаться не столь уж пагубными при его жизни, если бы он не совершил шестой: не посягнул на венецианские владения. Венеции следовало дать острастку до того, как он помог усилению Церкви и призвал испанцев, но, совершив обе эти ошибки, нельзя было допускать разгрома Венеции. Оставаясь могущественной, она удерживала бы других от захвата Ломбардии как потому, что сама имела на нее виды, так и потому, что никто не захотел бы вступать в войну с Францией за то, что Ломбардия досталась Венеции, а воевать с Францией и Венецией одновременно ни у кого не хватило бы духу. Если же мне возразят, что Людовик уступил Романью Александру, а Неаполь – испанскому королю, дабы избежать войны, я отвечу прежними доводами, а именно: нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь. Если же мне заметят, что король был связан обещанием папе: в обмен на расторжение королевского брака и кардинальскую шапку архиепископу Рушанскому помочь захватить Романью, – то я отвечу на это в той главе, где речь пойдет об обещаниях государей и о том, каким образом следует их исполнять.

Итак, король Людовик потерял Ломбардию только потому, что отступил от тех правил, которые соблюдались государями, желавшими удержать завоеванную страну. И в этом нет ничего чудесного, напротив, все весьма обычно и закономерно. Я говорил об этом в Нанте с кардиналом Рушанским, когда Валентино – так в просторечии звали Чезаре Борджа, сына Папы Александра – покорял Романью: кардинал заметил мне, что итальянцы мало смыслят в военном деле, я отвечал ему, что французы мало смыслят в политике, иначе они не достигли бы такого усиления Церкви.

Чезаре Борджиа (Борджа) – сын Папы Александра VI. Пытался объединить Италию под эгидой Святого престола, то есть превратить всю Италию в Папскую область наподобие Ватикана. О нем ходило множество слухов. Считалось, что Чезаре Борджиа действительно совершил ряд преступлений, но далеко не все, что ему приписываются. Говорили, что Александр VI прочил Чезаре Борджиа себе в преемники на посту главы Римско-католической церкви, но в 1498 году Чезаре отказался от духовного сана и стал первым кардиналом, которому официально возвратили звание мирянина. Он убит во время военных действий, но обстоятельства смерти достоверно неизвестны; возможно, смерть Чезаре Борджиа явилась результатом заговора.

Как показал опыт, Церковь и Испания благодаря Франции расширили свои владения в Италии, а Франция благодаря им потеряла там все. Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается.

Глава IV

Почему царство Дария, завоеванное Александром, не восстало против преемников Александра после его смерти

Рассмотрев, какого труда стоит учреждать власть над завоеванным государством, можно лишь подивиться, почему вся держава Александра Великого – после того, как он в несколько лет покорил Азию и вскоре умер, – против ожидания, не только не распалась, но мирно перешла к его преемникам, которые в управлении ею не знали других забот, кроме тех, что навлекли на себя собственным честолюбием.

Александр Македонский – один из величайших полководцев в истории. Его также можно назвать одним из величайших правителей в истории – он не только завоевывал территории, но и основал прочное государство, распространив на Восток греческую культуру. Следует заметить, что Макиавелли не вполне точен: империя Александра Македонского после его смерти была разделена между его военачальниками, то есть не сохранилась в первоначальном виде как территория, имеющая одного государя, управляющего через наместников. Однако на эти территории не вернулись прежние правители, и именно этот факт позволяет Макиавелли использовать империю Александра Македонского в качестве иллюстрации своей мысли.

В объяснение этого надо сказать, что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древности рода. Бароны эти имеют наследные государства и подданных, которые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая к ним никакой особой привязанности.

Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуетя одному властелину; все прочие в государстве – его слуги; страна поделена на округа – санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью, любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть.

Если мы сравним эти государства, то увидим, что монархию султана трудно завоевать, но по завоевании легко удержать; и напротив, такое государство, как Франция, в известном смысле проще завоевать, но зато удержать куда сложнее. Державой султана нелегко овладеть потому, что завоеватель не может рассчитывать на то, что его призовет какой-либо местный властитель, или на то, что мятеж среди приближенных султана облегчит ему захват власти. Как сказано выше, приближенные султана – его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападет на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры. Но если победа над султаном одержана и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если

же и она истреблена, то можно никого не бояться, так как никто другой не может увлечь за собой подданных; и как до победы не следовало надеяться на поддержку народа, так после победы не следует его опасаться.

Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть, вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу. Но удержать такую страну трудно, ибо опасность угрожает как со стороны тех, кто тебе помог, так и со стороны тех, кого ты покорил силой. И тут уж недостаточно искоренить род государя, ибо всегда останутся бароны, готовые возглавить новую смуту; а так как ни удовлетворить их притязания, ни истребить их самих ты не сможешь, то они при первой же возможности лишат тебя власти.

Если мы теперь обратимся к государству Дария, то увидим, что оно сродни державе султана, почему Александр и должен был сокрушить его одним ударом, наголову разбив войско Дария в открытом бою.

Дарий III, персидский царь из династии Ахеменидов, погиб при захвате
Персидской империи Александром Македонским.

Но после такой победы и гибели Дария он, по указанной причине, мог не опасаться за прочность своей власти. И преемники его могли бы править, не зная забот, если бы жили во взаимном согласии: никогда в их государстве не возникало других смут, кроме тех, что сеяли они сами.

Тогда как в государствах, устроенных наподобие Франции, государь не может править столь беззаботно. В Испании, Франции, Греции, где было много мелких властителей, то и дело вспыхивали восстания против римлян. И пока живо помнилось прежнее устройство, власть Рима оставалась непрочной; но по мере того как оно забывалось, римляне, благодаря своей мощи и продолжительности господства, все прочнее утверждали свою власть в этих странах. Так что позднее, когда римляне воевали между собой, каждый из соперников вовлекал в борьбу те провинции, где был более прочно укоренен. И местные жители, чьи исконные властители были истреблены, не признавали над собой других правителей, кроме римлян. Если мы примем все это во внимание, то сообразим, почему Александр с легкостью удержал азиатскую державу, тогда как Пирру и многим другим стоило огромного труда удержать завоеванные ими страны. Причина тут не в большей или меньшей доблести победителя, а в различном устройстве завоеванных государств.

Глава V

Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружелюбие государю. Эти доверенные лица будут всячески поддерживать государя, зная, что им поставлены у власти и сильны только его дружбой и мощью. Кроме того, если не хочешь подвергать разрушению город, привыкший жить свободно, то легче всего удержать его при посредстве его же граждан, чем каким-либо другим способом.

Обратимся к примеру Спарты и Рима. Спартанцы удерживали Афины и Фивы, создав там олигархию, однако потеряли оба города. Римляне, чтобы удержать Капую, Карфаген и Нуманцию, разрушили их и сохранили в своей власти. Грецию они пытались удержать почти тем же способом, что спартанцы, то есть установили там олигархию и не отняли свободу и право жить по своим законам, однако же потерпели неудачу и, чтобы не потерять всю Грецию, вынуждены были разрушить в ней многие города.

Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как попала под владычество флорентийцев.

Заметим, что Вторая республика в Пизе продержалась недолго: с 1494-го по 1509 год. Затем Флоренция вернула себе власть над Пизой, и город окончательно утратил свое место как в торговле, так и в культуре и искусствах. Возможность свержения флорентийского владычества появилась в Пизе в тот момент, когда во Флоренции начались междоусобицы, связанные с изгнанием Медичи, но стабилизация положения во Флоренции привела к скорому краху Пизанской республики. Как первый, так и второй захват Флоренцией Пизы вызвали массовую эмиграцию элиты пизанского общества, то есть были соблюдены условия, предлагаемые Макиавелли, – жители города были рассеяны и разъединены.

Но если город или страна привыкли стоять под властью государя, а род его истребили, то жители города не так-то легко возьмутся за оружие, ибо, с одной стороны, привыкнув повиноваться, с другой – не имея старого государя, они не сумеют ни договориться об избрании нового, ни жить свободно. Так что у завоевателя будет достаточно времени, чтобы расположить их к себе и тем обеспечить себе безопасность. Тогда как в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирает и не может умереть память о былой свободе. Поэтому самое верное средство удержать их в своей власти – разрушить их или же в них поселиться.

Глава VI

О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью

Нет ничего удивительного в том, что, говоря о завоевании власти, о государе и государстве, я буду ссылаться на примеры величайших мужей. Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела прошла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдаленную цель.

Итак, в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти. Еще облегчается дело и благодаря тому, что новый государь, за неимением других владений, вынужден поселиться в завоеванном.

Но переходя к тем, кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью, как наидостойнейших я назову Моисея, Кира, Тезея и им подобных. И хотя о Моисее нет надобности рассуждать, ибо он был лишь исполнителем воли Всевышнего, однако следует преклониться перед той благодатью, которая сделала его достойным собеседовать с Богом. Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величию нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай.

Моисей не убедил бы народ Израиля следовать за собой, дабы выйти из неволи, если бы не застал его в Египте в рабстве и угнетении у египтян.

В данном случае, наоборот, если бы народ Израиля не находился в рабстве и угнетении у египтян, то не потребовалась бы и миссия Моисея и ему не пришлось бы никого ни в чем убеждать.

Ромул не стал бы царем Рима и основателем государства, если бы не был по рождению брошен на произвол судьбы и если бы Альба не оказалась для него слишком тесной.

Вновь несколько вольное обращение если не с реальными, то с легендарными фактами. Альба-Лонга – древний латинский город, и тесен он стал не Ромулу, но его деду, Нумитору, который был царем Альба-Лонги. Именно Нумитор отправил своих внуков – Ромула и Рема – искать у Тибра место для основания новой колонии Альба-Лонги. Однако же тот факт, что на какое-то время братья Ромул и Рем были брошены на произвол судьбы и, по легенде, вскормлены волчицей на Палатинском холме, к основанию Рима отношения не имеет.

Кир не достиг бы такого величия, если бы к тому времени персы не были озлоблены господством мидян, а мидяне – расслаблены и изнежены от долгого мира.

Кир II, прозванный Великим, – персидский царь (годы правления – 559–530 до н. э.), основавший огромную Персидскую империю. Столицей этой империи стал Аншан, древний персидский город, царем которого, согласно преданию, был Кир, поднявший восстание против владычества Мидии.

Существует две версии происхождения Кира. Согласно одной из них, поддерживаемой Геродотом, Кир был внуком Астиага, мидийского царя. При рождении его было предсказано, что он станет владыкой мира. Неведомо, чем это предсказание не пришлось по душе Астиагу, но он решил убить новорожденного внука, которого спасла только случайность. В конце концов Кир стал вождем оседлых персидских племен, а затем и предводителем восстания, в результате которого с владычеством Мидии было покончено.

В соответствии с другой версией, которую поддерживает древнегреческий историк Ктесий, Кир был сыном нищего разбойника из кочевого персидского племени. Он поступил на службу к Астиагу, где возвысился, но услышав от вавилонских магов предсказание о будущем владычестве над миром, бежал со службы, отправился в Персию, где и устроил мятеж против Астиага и Мидии.

Восстание Кира длилось три года, и Астиаг побеждал в этой гражданской войне. Однако к Киру присоединился армянский царь Тигран со своим войском, кроме того, дело довершила измена: бунтовщики среди войска Астиага захватили мидийского государя и выдали его Киру. Именно измена обеспечила победу Киру, но не расслабленность мидян, как утверждает Макиавелли.

Тезей не мог бы проявить свою доблесть, если бы не застал афинян живущими обособленно друг от друга.

Тезей является одним из наиболее известных персонажей древнегреческой мифологии благодаря его поединку с Минотавром и счастливому избавлению из лабиринта, в чем ему помогла нить Ариадны. У мифического Тезея был реальный прототип – десятый царь Афин, чье правление продолжалось 30 лет (1234–1205 до н. э.). Доблесть реального Тезея проявилась в борцовском поединке с Минотавром – сильнейшим из борцов критян. Тезей победил его, и Крит отменил дань афинскими мальчиками. Кроме того, как пишет Плутарх, «он собрал всех жителей Аттики, сделав их единым народом, гражданами одного города, тогда как прежде они были рассеяны... Он воздвиг единый, общий для всех комплекс в нынешней старой части города, который называл Афинами... Стремясь еще увеличить город, Тезей призывал в него всех желающих, предлагая права гражданства...» Так что именно Тезея можно с полным правом называть настоящим основателем Афин.

Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье.

Кто, подобно этим людям, следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность. А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому

выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, почему, опираясь на них, подвергаешь себя опасности.

В данном случае, говоря о холодности приверженцев новых порядков и их вялой обороне при нападении сторонников старого, Макиавелли не совсем точен. Исторических примеров тому множество. Например, войны между протестантами и католиками, которые прокатились по всей Европе, – их жестокость с обеих сторон сравнима разве что с Крестовыми походами. Сюда же можно отнести различные буржуазные революции, например английскую и французскую, закончившиеся кровавым террором приверженцев новых порядков и казнью монархов, – это мало похоже на «вялую оборону». Правда, все эти исторические примеры относятся к более позднему времени, а Макиавелли писал лишь о том, что знал из исторических трактатов или видел собственными глазами.

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточны ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрасивать или могут применить силу.

В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой.

Данное положение, декларируемое Макиавелли, может объяснить жестокость, с которой утверждали свои идеалы все революции по всему миру.

Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с фра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

Фра Джироламо Савонарола – итальянский монах, осуществлявший реформаторскую деятельность в 1494–1498 гг. Считал себя равным ветхозаветным пророкам. По мнению Савонаролы, право властвовать определяется в основном нравственными качествами, и на этом основании он оспаривал право властвовать как светских, так и духовных властителей. Считается одним из предшественников Реформации Католической церкви. Савонарола практиковал сожжение неудобных ему книг, картин, музыкальных инструментов и прочего. В конце концов утратил доверие своих почитателей и был казнен.

На пути людей, подобных тем, что я здесь перечислил, встает множество трудностей и множество опасностей, для преодоления которых требуется великая доблесть. Но если цель достигнута, если царь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

К столь высоким примерам я хотел присовокупить пример более скромный, и думаю, что его здесь достаточно. Я говорю о Гиероне Сиракузском: из частного лица он стал царем Сиракуз, хотя судьба не одарила его ничем, кроме благоприятного случая: угнетаемые жители Сиракуз избрали его своим военачальником, он же, благодаря своим заслугам, сделался их госуда-

рем. Еще до возвышения он отличался такой доблестью, что, по словам древнего автора, «*nihil illi seerat ad regnandum praeter regnum*»². Он упразднил старое ополчение и набрал новое, расторг старые союзы и заключил новые. А на таком фундаменте как собственное войско и собственные союзники он мог воздвигнуть любое здание. Так что ему великих трудов стоило завоевать власть и малых – ее удержать.

Гиерон Сиракузский – военачальник, а затем правитель и царь Сиракуз, вступивший в борьбу с Пирром, когда тот пытался захватить города Греции. По другой версии Гиерон сначала был военачальником Пирра, а после его смерти захватил Сиракузы, а затем и принял царский титул. Во время правления Гиерона Сиракузы стали крупным культурным, экономическим и научным центром Средиземноморья, что в немалой степени было обеспечено дипломатическими талантами Гиерона, вступившего в союз с Римом.

После смерти Гиерона союз с Римом был расторгнут, что привело к захвату Сиракузского царства и разрушению города, во время которых был убит Архимед. Существует версия, что гибель Архимеда была целенаправленным действием, так как ученый отказался применить свои инженерные таланты на благо Рима и был уничтожен, чтобы не смог оказывать услуги врагам Рима.

² Для царствования ему доставало лишь царства (*лат.*).

Глава VII

О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы

Тогда как тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии. Я говорю о тех гражданах, которым власть досталась за деньги или была пожалована в знак милости. Такое нередко случалось в Греции в городах Ионии и Гелеспонта, куда Дарий назначал правителей ради своей славы и безопасности; так нередко бывало и в Риме, где частные лица добивались провозглашения себя императорами, покупая солдат.

Через полторы тысячи лет тем же методом для утверждения своей власти пользовалась Золотая Орда, назначая правителей в подвластных землях. К примеру, в XIII–XV веках русские князья должны были иметь ярлык – письменное повеление или грамоту хана Золотой Орды на княжение.

В этих случаях государи всецело зависят от воли и фортуны тех, кому обязаны властью, то есть от двух сил крайне непостоянных и неприхотливых; удержаться же у власти они не могут и не умеют. Не умеют оттого, что человеку без особых дарований и доблести, прожившему всю жизнь в скромном звании, негде научиться повелевать; не могут оттого, что не имеют союзников и надежной опоры. Эти невесты откуда взявшиеся властители, как все в природе, что рождается и растет слишком скоро, не успевают пустить ни корней, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды. Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

Обе эти возможности возвыситься – благодаря доблести и милости судьбы – я покажу на двух примерах, равно нам понятных: я имею в виду Франческо Сфорца и Чезаре Борджа. Франческо стал Миланским герцогом должным образом, выказав великую доблесть, и без труда удержал власть, доставшуюся ему ценой многих усилий. Чезаре Борджа, простонародьем называемый герцог Валентино, приобрел власть благодаря фортуне, высоко вознесшей его отца; но, лишившись отца, он лишился и власти, хотя, как человек умный и доблестный, приложил все усилия и все старания, какие были возможны, к тому, чтобы пустить прочные корни в государствах, добытых для него чужим оружием и чужой фортуной. Ибо, как я уже говорил, если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

Рассмотрев образ действия герцога, нетрудно убедиться в том, что он подвел прочное основание под будущее могущество, и я считаю не лишним это обсудить, ибо не мыслю лучшего наставления новому государю. И если все же распорядительность герцога не спасла его крушения, то в этом повинен не он, а поистине необычайное коварство фортуны.

Говоря о герцоге, Макиавелли имеет в виду Чезаре Борджиа, сына Папы Александра VI.

Александр VI желал возвысить герцога, своего сына, но предвидел тому немало препятствий и в настоящем, и в будущем. Прежде всего, он знал, что располагает лишь теми владениями, которые подвластны Церкви, но при всякой попытке отдать одно из них герцогу воспротивились бы как герцог Миланский, так и венецианцы, которые уже взяли под свое покровительство Фаэнцу и Римини. Кроме того, войска в Италии, особенно те, к чьим услугам

можно было прибегнуть, сосредоточились в руках людей, опасавшихся усиления Папы, то есть Орсини, Колонна и их приспешников.

Фаэнца и Римини – итальянские города.

Орсини и Колонна – олигархические кланы в Риме, которые противились усилению любой власти, считая это посягательством на их собственные права, власть и влияние на римских горожан. Поэтому Орсини и Колонна были яркими противниками Папы Александра VI, который весьма успешно занимался усилением церковной власти и расширением Папской области.

Таким образом, прежде всего надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них. Сделать это оказалось легко благодаря тому, что венецианцы, в собственных интересах, призвали в Италию французов, чему Папа не только не помешал, но даже содействовал, расторгнув прежний брак короля Людовика.

Людовик XII, прозванный Отцом народа, король Франции в 1498–1515 гг., развелся с первой женой, Жанной Французской, дочерью короля Людовика XI, чтобы жениться на Анне Бретонской, вдове Карла VIII, своего предшественника. Брак с Анной позволял удержать Бретань за Францией и по этой причине считался политически выгодным, оправдывая развод.

Итак, король вступил в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра и, едва достигнув Милана, тотчас выслал Папе отряд, с помощью которого тот захватил Романью, что сошло ему с рук только потому, что за ним стоял король. Таким образом, Романья оказалась под властью герцога, а партии Колонна было нанесено поражение, но пока что герцог не мог следовать дальше, ибо оставалось два препятствия: во-первых, войско, казавшееся ему ненадежным, во-вторых, намерения Франции. Иначе говоря, он опасался, что войско Орсини, которое он взял на службу, выбьет у него почву из-под ног, то есть либо покинет его, либо, того хуже, отнимет завоеванное; и что точно так же поступит король. В солдатах Орсини он усомнился после того, как, взяв Фаэнцу, двинул их на Болонью и заметил, что они вяло наступают; что же касается короля, то он понял его намерения, когда после взятия Урбино двинулся к Тоскане и тот вынудил его отступить. Поэтому герцог решил более не рассчитывать ни на чужое оружие, ни на чье-либо покровительство.

Первым делом он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме; всех нобилей, державших их сторону, переманил к себе на службу, определив им высокие жалованья, и, сообразно достоинствам, раздал места в войске и управлении, так что в несколько месяцев они отстали от своих партий и обратились в приверженцев герцога. После этого он стал выжидать возможности разделаться с главарями партии Орсини, еще раньше покончив с Колонна. Случай представился хороший, а воспользовался он им и того лучше. Орсини, спохватившиеся, что усиление Церкви грозит им гибелью, собрались на совет в Маджоне, близ Перуджи. Этот совет имел множество грозных последствий для герцога – прежде всего бунт в Урбино и возмущение в Романье, с которыми он, однако, справился благодаря помощи французов.

Восстановив прежнее влияние, герцог решил не доверять более ни Франции, ни другой внешней силе, чтобы впредь не подвергать себя опасности, и прибег к обману. Он так отвел глаза Орсини, что те сначала примирились с ним через посредство синьора Паоло, которого герцог принял со всевозможными изъявлениями учтивости и одарил одеждой, лошадьми и деньгами, – а потом в Сенигалии сами простодушно отдались ему в руки. Так, разделавшись с главарями партий и переманив к себе их приверженцев, герцог заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытывавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо.

Чезаре Борджиа был известен тем, что вполне успешно применял для достижения своих целей как военную силу, так и политические убийства, причем оба метода использовал достаточно широко. С этой точки зрения особенно интересно одобрение действий герцога Чезаре Борджиа Макиавелли, а особенно – призыв к подражанию этим действиям.

До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, убиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый год был представлен защитником. Но зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завоеваний. Поэтому герцог стал высматривать новых союзников и уклончиво вести себя по отношению к Франции – как раз тогда, когда французы предприняли поход на Неаполь против испанцев, осаждавших Гаету. Он задумывал развязаться с Францией, и ему бы это весьма скоро удалось, если бы дольше прожил Папа Александр.

Таковы были действия герцога, касавшиеся настоящего. Что же до будущего, то главную угрозу для него представлял возможный преемник Александра, который мог бы не только проявить недружественность, но и отнять все то, что герцогу дал Александр. Во избежание этого он задумал четыре меры предосторожности: во-первых, истребить разоренных им правителей вместе с семействами, чтобы не дать новому Папе повода выступить в их защиту; во-вторых, расположить к себе римских нобилей, чтобы с их помощью держать в узде будущего преемника Александра; в-третьих, иметь в Коллегии кардиналов как можно больше своих людей; в-четвертых, успеть до смерти Папы Александра расширить свои владения настолько, чтобы самостоятельно выдержать первый натиск извне. Когда Александр умер, у герцога было исполнено три части замысла, а четвертая была близка к исполнению. Из разоренных им правителей он умертвил всех, до кого мог добраться, и лишь немногим удалось спастись; римских нобилей он склонил в свою пользу, в Коллегии заручился поддержкой большей части кардиналов. Что же до расширения владений, то, задумав стать властителем Тосканы, он успел захватить Перуджу и Пьомбино и взять под свое покровительство Пизу. К этому времени он мог уже не опасаться Франции – после того, как испанцы окончательно вытеснили французов из Неаполитанского королевства, тем и другим приходилось покупать дружбу герцога, так что еще шаг – и он завладел бы Пизой. После чего тут же сдались бы Сиена и Лукка, отчасти из страха, отчасти назло флорентийцам; и сами флорентийцы оказались бы в безвыходном положении. И все это могло бы произойти еще до конца того года, в который умер Папа Александр, и если бы произошло,

то герцог обрел бы такое могущество и влияние, что не нуждался бы ни в чьем покровительстве и не зависел бы ни от чужого оружия, ни от чужой фортуны, но всецело от своей доблести и силы. Однако герцог впервые обнажил свой меч всего за пять лет до смерти своего отца. И успел упрочить власть лишь над одним государством – Романьей, оставшись на полпути к обладанию другими, зажатый между двумя неприятельскими армиями и смертельно больной.

Но столько было в герцоге яростной отваги и доблести, так хорошо умел он привлекать и устранять людей, так прочны были основания его власти, заложенные им в столь краткое время, что он превозмог бы любые трудности – если бы его не теснили с двух сторон враждебные армии или не донимала болезнь. Что власть его покоилась на прочном фундаменте, в этом мы убедились: Романья дожидалась его больше месяца; в Риме, находясь при смерти, он, однако, пребывал в безопасности: Бальони, Орсини и Вителли, явившиеся туда, так никого и не увлекли за собой; ему удалось добиться того, чтобы Папой избрали если не именно того, кого он желал, то по крайней мере не того, кого он не желал. Не окажись герцог при смерти тогда же, когда умер Папа Александр, он с легкостью одолел бы любое препятствие. В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения нашел выход, одного лишь не угадал – что в это время и сам окажется близок к смерти.

Юлий II – Папа Римский, правил с 1503-го по 1513 год, стал понтификом после смерти Пия III, который умер через двадцать шесть дней после избрания. Существует версия, что Пия III отравили. И если Папа Пий III был весьма лоялен к семейству Борджиа, то этого нельзя сказать о Юлии II, который даже отказался жить в тех же комнатах, что Александр VI, и заявил, что этот понтифик «узурпировал папскую власть с помощью дьявола». Более того, он потребовал, чтобы были вскрыты все гробницы Борджиа, а тела отправлены в Испанию – «туда, откуда они пришли». Юлий II весьма способствовал падению Чезаре Борджиа. Заметим, что болезнь Чезаре Борджиа одновременно со смертью Папы Александра VI вовсе не являлась препятствием для планов герцога, как утверждает Макиавелли. Чезаре Борджиа смог обеспечить выборы нового Папы, нужного ему. Но вот чего не смог предусмотреть герцог, так это столь скорой смерти Пия III и последующего избрания Юлия II.

Обозревая действия герцога, я не нахожу, в чем можно было бы его упрекнуть; более того, мне представляется, что он может послужить образцом всем тем, кому доставляет власть милость судьбы или чужое оружие. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Александра и собственная его болезнь помешали ему осуществить намерение. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны повредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушные и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они с учтивостью оказывали услуги либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога.

В одном лишь можно его обвинить – в избрании Юлия главой Церкви. Тут он ошибся в расчете, ибо если он не мог провести угодного ему человека, он мог, как уже говорилось, отвести неугодного; а раз так, то ни в коем случае не следовало допускать к папской власти тех кардиналов, которые были им обижены в прошлом или, в случае избрания, могли бы бояться его в будущем. Ибо люди мстят либо из страха, либо из ненависти. Среди обиженных им были Сан-Пьетро ин Винкула, Колонна, Сан-Джорджо, Асканио; все остальные, взойдя на престол, имели бы причины его бояться. Исключение составляли испанцы и кардинал Руанский, те –

в силу родственных уз и обязательств, этот – благодаря могуществу стоявшего за ним французского королевства. Поэтому в первую очередь надо было позаботиться об избрании кого-нибудь из испанцев, а в случае невозможности – кардинала Руанского, но уж никак не Сан-Пьетро ин Винкула. Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. Так что герцог совершил оплошность, которая и привела его к гибели.

Глава VIII

О тех, кто приобретает власть злодеяниями

Но есть еще два способа сделаться государем, не сводимые ни к милости судьбы, ни к доблести; и опускать их, как я полагаю, не стоит, хотя об одном из них уместнее рассуждать там, где речь идет о республиках. Я разумею случаи, когда частный человек достигает верховной власти путем преступлений либо в силу благоволения к нему сограждан. Говоря о первом способе, я сошлюсь на два случая – один из древности, другой из современной жизни – и тем ограничусь, ибо полагаю, что и этих двух достаточно для тех, кто ищет примера.

Сицилиец Агафокл стал царем Сиракуз, хотя вышел не только из простого, но из низкого и презренного звания. Он родился в семье горшечника и вел жизнь бесчестную, но смолу отличался такой силой духа и телесной доблестью, что, вступив в войско, постепенно выслужился до претора Сиракуз. Утвердясь в этой должности, он задумал сделаться властителем Сиракуз и таким образом присвоить себе то, что было ему вверено по доброй воле. Посвятив в этот замысел Гамилькара Карфагенского, находившегося в это время в Сицилии, он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз, якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан. И хотя он был дважды разбит карфагенянами и даже осажден их войском, он не только не сдал город, но, оставив часть людей защищать его, с другой вторгся в Африку; в короткое время освободил Сиракузы от осады и довел карфагенян до крайности, так что они были вынуждены заключить с ним договор, по которому ограничивались владениями в Африке и уступали Агафоклу Сицилию.

Вдумавшись, мы не найдем в жизни Агафокла ничего или почти ничего, что бы досталось ему милостью судьбы, ибо, как уже говорилось, он достиг власти не чьим-либо покровительством, но службой в войске, сопряженной с множеством опасностей и невзгод, и удержал власть смелыми действиями, проявив решительность и отвагу. Однако же нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу. Так что если судить о нем по той доблести, с какой он шел навстречу опасности, по той силе духа, с какой он переносил невзгоды, то едва ли он уступит любому прославленному военачальнику, но памятуя его жестокость и бесчеловечность и все совершенные им преступления, мы не можем приравнять его к величайшим людям. Следовательно, нельзя приписать ни милости судьбы, ни доблести то, что было добыто без того и другого.

Уже в наше время, при Папе Александре, произошел другой случай. Оливеротто из Фермо, в младенчестве осиротевший, вырос в доме дяди с материнской стороны по имени Джованни Фольяни; еще в юных летах он вступил в военную службу под начало Паоло Вителли, с тем чтобы, освоившись с военной наукой, занять почетное место в войске. По смерти Паоло он перешел под начало брата его Вителлюццо и весьма скоро, как человек сообразительный, сильный и храбрый, стал первым лицом в войске. Однако, полагая унижительным подчиняться другим, он задумал овладеть Фермо – с благословения Вителли и при пособничестве нескольких сограждан, которым рабство отечества было милее свободы. В письме к Джованни Фольяни он объявил, что желал бы после многолетнего отсутствия навестить дядю и родные места, а заодно определить размеры наследства; что в трудах своих он не помышляет ни о чем, кроме славы, и, желая доказать согражданам, что не впустую растратил время, испрашивает позволения въехать с почетом – со свитой из ста всадников, его друзей и слуг, – пусть, мол, жители Фермо тоже не откажут ему в почетном приеме, что было бы лестно не только ему, но и дяде его, заменившему ему отца. Джованни Фольяни исполнил все, как просил племянник, и позабо-

тился о том, чтобы горожане встретили его с почестями. Тот, поселившись в свободном доме, выждал несколько дней, пока закончатся приготовления к задуманному злодейству, и устроил торжественный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех именитых людей Фермо. После того как покончили с угощениями и с принятыми в таких случаях увеселениями, Оливеротто с умыслом повел опасные речи о предприятиях и величии Папы Александра и сына его Чезаре. Джованни и другие стали ему отвечать, он вдруг поднялся и, заявив, что подобные разговоры лучше продолжать в укромном месте, удалился внутрь покоев, куда за ним последовали дядя и другие именитые гости. Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом помчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повиновался и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил себя властителем города.

Истребив тех, кто по недовольству мог ему навредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей. Выбить его из города было бы так же трудно, как Агафокла, если бы его не перехитрил Чезаре Борджа, который в Синигалии, как уже рассказывалось, заманил в ловушку главарей Орсини и Вителли; Оливеротто приехал туда вместе с Виттеллоццо, своим наставником в доблести и в злодействах, и там вместе с ним был удушен, что произошло через год после описанного отцеубийства.

Заметим, что казнь Оливеротто связана с его изменой Чезаре Борджиа: будучи сначала сторонником герцога, он перешел на сторону Орсини и принял участие в заговоре, за что и был казнен. Но при этом репрессии не распространились на его семью, и правителем Фермо стал сын Оливеротто, и только после его смерти город вновь был присоединен к Папской области.

Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно, подобно Агафоклу, с Божьей и людской помощью удержать власть; действуя вторым – невозможно.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благоденствия же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро – бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

С этой точки зрения любопытно рассмотреть судьбу российского самодержавия: слишком мягкое отношение к политическим преступникам сменялось излишней жестокостью с резкостью и внезапностью, непонятной

стороннему наблюдателю. Эта неожиданная жестокость вызывала в обществе неприятие, которое, в свою очередь, провоцировало негативное отношение к существующей власти, результатом чего стали революция и все последующие события.

Глава IX

О гражданском единовластии

Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость. Надобно сказать, что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо свободой.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожеления. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Поэтому тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий.

Впоследствии правильность этого положения трактата Макиавелли была подтверждена многократно, в частности – во время возведения на престол Анны Иоанновны, российской императрицы (1730–1740). Верховный тайный совет отказался признать Завещание Екатерины I, устанавливавшее порядок престолонаследия, и решил отдать трон Анне Иоанновне, но при этом ограничить ее власть в свою пользу специальным документом. Следует заметить, что Анна Иоанновна, став императрицей, этот документ уничтожила, а Верховный тайный совет прекратил свое существование вместе с рядом своих членов. Но подобное действие далеко не всегда удавалось монарху, так как для него требуется значительная поддержка. К примеру, польские короли подобной поддержки не имели, и их власть всегда ограничивалась сеймами, что далеко не всегда вело к благу государства. Ведь каждый шляхтич считал себя равным королю, по крайней мере в своих владениях.

Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один, и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворять притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право – карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Свой выбор знати государем особенно ярко продемонстрировал Петр I, когда многие роды, находившиеся постоянно близ царского трона, отодвинул в сторону, а вперед выдвинул людей безродных, но угодных себе, получивших за верную службу не только деньги, но и титулы, и составивших новую знать.

Заметим, что таким же образом поступают все руководители государств, начиная от монархов и заканчивая президентами, точно так же действуют руководители всех рангов – каждый собирает свою команду «знати», которая имеет определенные преференции в обмен на верную службу своему «государю».

Эту последнюю часть разъясню подробней. С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего несколько лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым.

Набид – спартанский тиран (206–192 до н. э.), прославился жестокостью и беззаконием, уничтожил остатки спартанской аристократии; главной его опорой было войско наемников и простой народ. Его способ завоевания популярности в народе был прост и не раз применен впоследствии: он действовал подобно Робин Гуду – отнимал все у богатых и раздавал бедным. Причем его действия более были похожи на действия большевиков во время «красного террора»: у богатых не просто отнималось все имущество, они при этом лишались и жизни.

И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться, как обманулись Гракхи в Риме или мессер Джорджо Скали во Флоренции.

Гракхи – братья Гракхи, Тиберий и Гай, бывшие реформаторами в Древнем Риме ок. 160–120 до н. э. Тиберий, старший из братьев, проводил аграрную реформу, которая должна была обеспечить ему всемерную народную поддержку – в соответствии с этой реформой часть общественных земель разделялась между беднейшими крестьянами. Однако его попытка переизбрания на должность трибуна являлась нарушением традиций и

закончилась тем, что Тиберия Гракха убили вместе со многими его сторонниками и соратниками.

Джорджо Скали (около 1350 г.) пользовался во Флорентийской республике огромной властью, опиравшейся на народную поддержку. Но когда он силой освободил одного из своих сторонников, обвинявшегося в клевете, это возмутило всех горожан, и власть Скали закончилась – он потерял не только свое влияние, но имущество и жизнь.

Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры.

Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному, так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает лишь однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность.

Данное положение трактата Макиавелли блестяще проиллюстрировала английская революция, закончившаяся казнью короля Карла I. Парламент, выступивший против монарха, одержал полную победу при повсеместной поддержке народа. Впоследствии монархия была восстановлена, но только после смерти Оливера Кромвеля, который возглавлял революцию, а затем стал лордом-протектором, имевшим фактически королевские полномочия. Если бы его сын, Ричард Кромвель, обладал в армии такой же властью, как отец, то Карл II вряд ли получил бы трон своих предков. Но смерть лорда-протектора привела к нестабильности верховной власти, и в конце концов парламент призвал на трон Карла II. Заметим, что Ричард Кромвель оказался практически в том же положении, что и король Карл I, – ему не хватило верных людей, чтобы удержаться у власти, также его проблемой было то, что правил он с помощью парламента, не имея абсолютной монархической власти.

Глава X

Как следует измерять силы всех государств

Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны. Поясню, что способными отстоять себя я называю тех государей, которые, имея в достатке людей или денег, могут собрать требуемых размеров войско и выдержать сражение с любым неприятелем; нуждающимися в помощи я называю тех, кто не может выйти против неприятеля в поле и вынужден обороняться под прикрытием городских стен. Что делать в первом случае – о том речь впереди, хотя кое-что уже сказано выше. Что же до второго случая, то тут ничего не скажешь, кроме того, что государю надлежит укреплять и снаряжать всем необходимым город, не принимая в расчет прилегающую округу. Если государь хорошо укрепит город и будет обращаться с подданными так, как описано выше и добавлено ниже, то соседи остерегутся на него нападать. Ибо люди – враги всяких затруднительных препятствий, а кому же покажется легким нападение на государя, чей город хорошо укреплен, а народ не озлоблен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.